

внедрение христианских принципов не было для него очевидным. Но не было и безразличным. Писатель понимал и уважал религиозное послание своих предков и своей среды, тем не менее заострённый рационализм неоднократно препятствовал в обретении согласия между религией и разумом. Толстой считал, что жизненным принципом любого человека должно быть стремление к уважению ближнего. Этому полному противоречий творчеству присуща необыкновенность и неповторимость гения, а также понимание религии как вдохновения для людей, ищущих Бога и смысл в жизни.

*Полякова С.В.<sup>1</sup>*

**Феномен «бедной веры» в русском постсекулярном мире:  
к попытке картографии**

*Все атеисты не ходят в церковь.  
Но не все из тех, кто не ходит в церковь,  
являются настоящими атеистами.*

Дэнни Кейз

В любом из известных нам за последние 100 тысяч лет человеческой истории обществ так или иначе существовала религия. Это положение дел, утверждаемое еще античными авторами в качестве основания так называемого исторического доказательства бытия Бога, и сегодня наводит нас на мысль о том, что вера в сверхъестественное является одной из фундаментальных характеристик человеческого как такового. Эта мысль может быть подкреплена простым рассуждением. Если предположить, как это, по обыкновению, утверждают атеисты, что всеобщность религии в истории порождается банальным невежеством, что Бог веры – это только «Бог пробелов»<sup>2</sup>, то количество верующих в XXI веке, веке, полном потрясающих научных открытий и технических изобретений, должно было стремительно уменьшиться или вовсе сойти на нет. Однако статистика показывает, что, в целом, верующих не становится меньше. Более того, – и здесь я сошлюсь на слова Барри Космин, социолога, директора Института исследований секуляризма в Тринити-колледже в Хартфорде, который не устает повторять, что сегодня в мире число верующих или называющих себя таковыми значительно превосходит количество атеистов, и что религия – это норма<sup>3</sup>.

Однако, если число верующих остается более или менее постоянным, само понятие веры сегодня претерпевает значительные изменения. Авторитетные исследования последних трех десятилетий статистически выявили, что на исторической сцене возник новый духовно-куль-

<sup>1</sup> *Полякова Светлана Викторовна* [svetpolyakova@gmail.com] – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) – *прим. ред.*

<sup>2</sup> Термин *God of the gaps* введен христианским проповедником XIX века Генри Драммондом на одной из его лекций о развитии человека. Так он критиковал христиан, доказывавших существование Бога с помощью феноменов, которые наука не может объяснить, то есть заполнявших пробелы в знании Богом.

<sup>3</sup> См. Kosmin, B.A., and Ariela Keysar, *Religion in a Free Market: Religious and Non-Religious Americans*. Ithaca, NY: Paramount Books, 2006.

турный феномен – люди, которые идентифицируют себя как верующие, и при этом не принадлежат ни к одной из существующих конфессий. В западной социологии они получили название «*nones*» («люди нет»). Социологически значимой эта категория верующих становится к 1990-м годам. Для примера, с 1989 по 1992 год число таких «верующих без религии» выросло в два с лишним раза. В отечественной литературе за этим феноменом закрепилось название «бедной веры»<sup>4</sup>

В «бедной вере» нет ничего строго установленного, определенного, она проявляет себя как повседневность огромного количества людей, которые не создают никаких специальных социальных общностей. Для людей, исповедующих «бедную веру», как правило, очевидно, что жизнь не кончается вместе со смертью, что духовное в человеке важнее телесного, что человек не только природное существо, в нем есть нечто трансцендентное, что не определяется природой и социумом. Однако эти в разной степени отрефлексированные убеждения не связаны ни с какими религиозными институтами, догмами и обрядами. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с актуализацией чувства бесконечного в конечном, которое присуще всякому человеку и которое так убедительно описал Фридрих Шлейермахер<sup>5</sup>. На рациональном уровне сторонники «бедной веры» иногда имеют целую систему продуманных аргументов в пользу своей позиции, апеллирующих и к истории церкви, и к данным современной науки. Однако чаще вся теория «бедной веры» сводится к одному лапидарному тезису, который всем нам не раз приходилось слышать: «Что-то есть...».

Что касается феномена «бедной веры» в российском культурном ландшафте, у него есть свои особые черты, обусловленные нашей культурной и политической историей. У «бедной веры» есть свои горячие противники и не менее горячие адепты. Самым радикальным апологетом этой новой стадии «минимальной» религиозности в русскоязычном культурном пространстве является культуролог и философ М.Н. Эпштейн, первооткрыватель этой темы в русскоязычном ландшафте, создатель концепта «бедная вера». Согласно Эпштейну, именно насаждаемое государством безверие трех советских поколений и политика государственного атеизма сформировали такой тип современного человека, который нельзя назвать ни «православный», ни «иудей», ни «мусульманин», – но просто «верующий». В западных странах это понятие почти не употреблялось как лишенное смысла. «Верующий во что? Какой конфессии?... Просто вера. Просто в Бога»<sup>6</sup>.

Феномен «бедной веры» пока мало изучен и плохо описан религиоведами. В процессе его исследования мне стало очевидно, что мы имеем дело с целым спектром духовно-культурных явлений, которые имеют различные причины, но которые до поры скрываются под единым ярлыком. Весьма вероятно, процент людей, которые будут рекрутированы такими

<sup>4</sup> «Бедная религия», или «бедная вера», были названы так по аналогии с «бедным театром» польского режиссера Ежи Гротовского. Это был театр без сцены, переодевания, масок и даже без актеров в привычном понимании – оставался только человек, проживающий перед лицом других свою жизнь.

<sup>5</sup> См. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб., 1994.

<sup>6</sup> Эпштейн М.Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М., 2013, с. 34.



неформальными личными «верами», будет продолжать расти по отношению к общему числу верующих конфессионально. Каковы же социокультурные причины этого феномена? Попробуем вычленил некоторые характерные для российского менталитета типы «бедной веры», исходя из причин, ее порождающих. Раз уж мы понимаем феномен массовой «бедной веры»<sup>7</sup>, как возникший совсем недавно и ранее не бывший, его возникновению должны быть весомые причины, и эти причины должны быть более чем актуальны. Попробуем рассмотреть некоторые из них, действующие в постсоветском пространстве.

**«Бедная вера» и «бедное» образование.** В этой рубрике мы имеем дело с так называемой наивной верой, которая еще не пришла к конфессиональному оформлению. В постсоветском пространстве, где гонениям подвергались все конфессии и все религиозные институты, выход из государственного атеизма не предполагал одного единственного сценария. Человек, у которого актуализировалась по каким-то экзистенциальным причинам потребность в вере, совсем не обязательно становится православным, или буддистом, поскольку вследствие прерванной в советский период на десятилетия эстафеты культурных кодов, не вполне понимает весь спектр мировоззренческих различий между исторически сложившимися верами. И изначальных, связанных с опытом религиозной жизни в семье, предпочтений он, как правило, также лишен. Кроме того, в стремительно сложившейся к концу XX в. ситуации разверзшегося мультикультурализма, выбор из потенциально доступных многих одной конфессии, которую следовало бы считать единственно верной, становится еще более проблематичным. Выйдя из атеизма, человек теперь может остаться в нейтральной зоне религиозной неопределенности, так и не дойдя до осознанно избранной конфессии. И это, вероятно, до сих пор самая многочисленная группа «бедных» верующих.

**«Бедная вера» и «бедная» церковь.** Это трудный разговор, который в последнее время все чаще инициируют люди, принадлежащие самой Церкви. Здесь следовало бы говорить о целом ряде причин, связанных с положением самой церковной институции в современном мире, повлиявших на то, что, количество верующих «бедно» продолжает расти. Прежде всего, я буду учитывать опыт Русской Православной Церкви, как основной традиционной конфессии в нашей культуре. Здесь следует обратить внимание на социальную политику церкви, которая установилась за последние десятилетия ее постсоветского служения, и которая, будучи пропущенной через кривые зеркала современных СМИ, вызывает все больше вопросов и разочарований как извне, так и изнутри, со стороны самих членов церкви. Чтобы получить представление о болевых дискуссионных точках в восприятии современной Церкви и, в некотором роде, о саморефлексии церковного сознания, достаточно зайти на сайт библеиста и христианского публициста Андрея Десницкого, одна из последних статей которого за 2016 год носит симптоматичное название: «Нам показали

<sup>7</sup> Единичные случаи веры без конфессии были известны и прежде: например, религиозность Б. Спинозы, И. Канта, Л.Н. Толстого вполне вписывается в современное понятие «бедной веры».

Нарнию, а она вдруг оказалась парткомом»<sup>8</sup>. Растет число людей, которые, сохраняя веру, перестают ходить в Церковь, или уходят во «внутреннюю эмиграцию», не принимая складывающегося симбиоза церковной и государственной власти, разочаровываясь в демифологизированных пастырях, искушаясь активностью – будь то экуменизм или фундаментализм – предстоятелей Церкви на международной арене. Культурное и религиозное охранительство, совершенно естественное и оправданное в годы советских гонений на Церковь, когда под реальной угрозой исчезновения церковь пыталась спасти и сохранить любую религиозную традицию, любую освященную историей подробность, теперь в эпоху усиления Церкви соблазняет и всё чаще отталкивает.

**«Бедная религия» и общество потребления.** Современное секуляризованное общество ориентировано на ценности индивидуальные в большей степени, чем на коллективные. Общество потребления как гигантский супермаркет «духовных» продуктов отменяет исторические, этнические и государственные приоритеты в личном акте выбора веры. Те смыслы, которые были упакованы русскими славянофилами в понятие «соборность», и которые долгое время не только считались, но и были фундаментальной составляющей русского сознания, на наших глазах, превращаются из реальности в ностальгически окрашенную архивную единицу хранения. Индивидуалистические ценности преобладают над коллективными, личная «минимальная вера», не нуждающаяся в другом, заменяет традиционную церковную общину. Невероятные скорости жизни, мгновенная доступность информации, социальные сети, вытесняющие реальное общение, – все эти необходимые условия городской среды, очевидно, способствуют укреплению позиций «бедной веры».

**«Бедная религия» и неклассическая наука.** Неклассический этап развития науки все чаще приводит отдельных ученых к теориям, вполне совместимым с верой<sup>9</sup> или даже требующим ее признания<sup>10</sup>. В России процессы культурной легитимации религии еще более выражены и отчасти поддержаны на государственном уровне: ведущие университеты открывают теологические факультеты. Учрежден государственный Совет по защите диссертаций по теологии как научной дисциплине. Это ведет к постепенной переориентации науки в отношении веры, смягчению их конфронтации, однако до взаимного приятия им еще далеко. Старый призыв сциентизма все еще бродит по Европе. Все эти процессы в неклассической науке способствуют, с одной стороны, некоторой легитимизации веры в современном научном сообществе и появлению еще недавно невозможной позиции «верующий ученый», с другой, рекрутированию научно ориентированных умов скорее в лагерь именно «бедной» веры.

**«Бедная религия» и «бедный» язык.** Зависимость религии, ее исторических форм, ее догматики и ритуальных практик от языка определенной

<sup>8</sup> Сайт А. Десницкого. URL: <http://desnitsky.ru/essays/stati-2016-goda/>. Дата обр. 10.02.17.

<sup>9</sup> См. Thomas Nagel. *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature is Almost Certainly False*. Oxford, 2012.

<sup>10</sup> См. Sheldrake R. *Science Set Free: 10 Paths to New Discovery*. Deepak Chopra, 2012.

культуры, существующей в определенном времени, – эта зависимость, ставшая очевидной после пережитого культурой XX века лингвистического поворота, для людей образованных может стать существенным препятствием на пути к исторической конфессии. В самом деле, если церковь, провозглашающая, что владеет последними истинами, начиная от догматики и кончая традиционными обрядовыми формами, живет во времени и говорит на его языке, сложно считать абсолютно все происходящее в ней непреходящей истиной. Пока церковь, как социальный институт, на уровне керигмы не усвоила последствия лингвистического поворота, и шире – открытия гуманитарными науками культурно-исторической оптики, доля верующих образованных людей, избегающих конфессионального оформления, предсказуемо будет расти.

**В качестве эпилога.** «Люди бывают только трех родов: одни нашли Бога и служат Ему, другие не нашли Его и стараются отыскать, а третьи живут, не найдя Его и не ища», – писал Блез Паскаль<sup>11</sup>. К какому роду можно отнести сторонников «бедной веры»? На мой взгляд, сегодня они могут быть отнесены и к первому, и ко второму, и к третьему роду. К первому, если почувствовали, что нашли Бога в сердце своем и при этом не присоединились ни к одной конфессии (принцип *sola fide* разделяют не только протестанты). Отчасти эта группа некогда была остроумно описана тем же М. Эпштейном<sup>12</sup>. Ко второму, если вышли из атеистической уверенности и блуждают по дорогам религиозного сомнения. Их можно определить, как духовно не определившихся, и это весьма характерное состояние образованных умов сегодня. И хотя под третьими Паскаль, вероятно, подразумевал атеистов, сегодня сюда могут быть частично отнесены и люди «бедной веры». Если люди в анкетах или в частных разговорах объявляют себя автоматически, на основании «почвы и крови», принадлежащими к исторической вере своего этноса («русский – значит, православный»), при этом их повседневная жизнь вовсе не пересекается с миром веры, вопросами о Боге и Его месте в их жизни, с какими-либо минимальными духовными практиками. Очевидно, что они причисляют себя к «верующим» на каких-то иных, чуждых самой вере, основаниях – часто политических, этнокультурных, иногда даже экономических.

Сравнение классического представления о вере Паскаля с современным концептом «бедной веры» высвечивает огромный сдвиг, произошедший в постсекулярном мире в интерпретации феномена «религиозности» как таковой. Традиционные границы религиозности дрейфуют и истончаются, «да» и «нет» переходят друг в друга, верой называется то, что когда-то называли неверием. Феномен «бедной веры» – серьезная манифестация этих тектонических процессов культуры. Эклектизм, отсутствие единого основания, содержательная и структурная аморфность, социокультурная обусловленность, социальная и культурная неоднородность, неизученность – вот в первом приближении описание того только по видимости единого феномена, который теперь принято называть «бедной верой», и который, на мой взгляд, должен стать одним из самых актуальных объектов исследования современного религиоведения и религиозной мысли.

<sup>11</sup> Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М., 2011, с. 99.

<sup>12</sup> См. Эпштейн М. «Новое сектанство». М. 2005.